

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го Мая 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11417.

ВЪ РЕСТОРАНЪ.

... Вы вотъ, молодой человѣкъ, все рассказываете объ аэропланахъ, о культурѣ нашей, о городахъ, напоминающихъ сады.

Слышалъ, слышалъ. Славно такъ, занятно. Теперь вотъ пишушку потягиваете, а завтра спать будете часовъ до трехъ. А предъ этимъ, я примѣтилъ, осушили вы съ товарищемъ два графина водки. Осетриной закусывали.

Славная вещь, если съ настоящимъ маюнемъ. Хорошо еще съ грибами. Люблю грибы. Хоть смолы выпей, грибъ все загладить. Острый, негодай, какъ языкъ у католического священника.

Сяду, сяду. Благодарствую. Я и безъ приглашенія подсѣль бы. Только мы съ вами и остались въ кабакѣ, а кабакъ, особенно въ четвертомъ часу утра, русская исповѣданія.

Паршивое у насъ нутро, неудобное, не портативное, какъ говорять коммивояжеры.

Постоянно приходится себя разматывать, расплескивать. Словно что за глотку душитъ. Ну, вотъ, одинъ ночью скамьи выворачивается на бульварѣ, другой жену бѣть, третій стихи пишеть или картины малюєтъ, а я пью. Потихоньку пью, ровненько, изъ головы въ годъ. Ни толчковъ, ни особыхъ опьянѣній, такъ, по привычкѣ. Все одно. День въ день. Сѣрая, сѣрая простыня. Миру на саванъ годится.

Ну, ваше здоровье. Только я ужъ водку. Неизмѣненъ. Всегда съ двѣнадцати до пяти вонъ затѣмъ столикомъ. Трехъ хозяевъ похоронилъ, а сколько смѣнилось метръ д'отелей, лакеевъ! Хорошій народъ; навѣрное, и на томъ свѣтѣ подаютъ омлеты и селедку съ лукомъ. Ха-ха-ха!

Ничего, я всегда такъ смѣюсь. Охрипъ. Немного грубо, да, вѣдь, мы не въ дамскомъ обществѣ.

Ну, вотъ, пью и слушаю музыку. Попури, кѣкъ-воки, тоже бываетъ кусочекъ изъ оперы или романсы. Иногда со слезой, иногда съ французской горчицей, соусъ провансаль.

Стоитъ, знаете, прислушатся.

Въ кабакѣ музичка особенная. Можетъ быть ея и совсѣмъ нѣтъ, а просто вѣтеръ или собака воетъ. А можетъ быть... Ха-ха-ха. Слишкомъ нехорошая мысль мелькнула!

А музыка необходима. Хорошая. Скрипъ нашихъ костылей. Становится отрадно, потому что Фаустъ кабаккій совсѣмъ не Фаустъ, а жалкій нищій, вояночный пьяница. Запоетъ Маргарита или Віолетта, тоже дрянь. Охрипшая дѣвка, проститутка. А заиграть вальсъ, такъ подъ него можно танцевать летучимъ мышамъ.

Смиреній, Ермун
Генѣ Патріархъ,

(По поводу прославленія его 12 мая т. г. въ Москвѣ).

Вотъ и радуешься, что Фаустъ тутъ особенный, жалкій. Безногому всегда пріятно сидѣть съ безрукими.

Слушаешь музыку, и кажется,—изъ столѣтія въ столѣтія бредешь по сѣрой дорогѣ съ колючками. Давно уже пятки проторѣ, давно уже морда облупилась отъ жары и сухихъ вѣтровъ, а дирижеръ въ старомъ сюртучишкѣ, словно съ поклонника, все машетъ и машетъ своей палочкой, и непрерывный, страшный, вѣчный кѣкъ-вокъ хлещетъ тебя по лицу, по головѣ, сверлитъ мозгъ, давить глотку.

Ха-ха-ха! Тоже танецъ. Американскіе негры выдумали. Умный народъ. Жаль только, что въ Нью-Йоркѣ ихъ держать исключительно для чистки сапогъ.

Ваше здоровье! Нѣтъ, я не закусываю. Вѣдь, въ алкоголь тоже не мало питательныхъ веществъ.

Но въ кабакѣ у насъ невесело. Заграницей придутъ въ кабакъ—смѣются, щѣнятъ, пьютъ, все весело. Развлекаются! А у насъ—какое же

развлечеіе. Свѣжій человѣкъ только нервы себѣ разстроить.

Тоже удовольствіе.

Каждый выпретъ наружу свою душу, а она, милая, смердитъ. Днемъ его увидишь—человѣкъ, какъ человѣкъ, какъ будто и живеть, а въ кабакѣ, ночью—больной, совсѣмъ больной и жалкій, неживой.

Думаешь, онъ такъ покушать забѣжалъ. Нѣтъ, какое-тамъ кушанье! Смотрѣть на него тяжело. Расплескиваетъ самого себя, потому что душа, какъ отъ перца, горитъ, глотка у него сдавлена. Все у него не такъ, не то, ошибочка, промахъ, трещина.

И сколько слезъ иногда подъ шашлыкъ съ лукомъ! Ха-ха ха!

Не думайте плохого. Хорошія слезы.

Что пьяница, что ребекокъ—одинаково плачугъ.

А я съ удовольствіемъ слушаю вашъ разговоръ. Честное слово.

Новые города, аэропланы. Тоже граммофоны, или, напримѣръ, радио. Чудесная вещь. Затѣмъ безпроволочный телеграфъ...

А только, знаете, друзья мои, плевать мнѣ на ваши аэропланы, плевать мнѣ на вашъ радио, города, сады, культуру.

Такъ вотъ и тянешь плюзуть, да пожирнѣй.

Ха-ха-ха! Ничего, я всегда такъ смѣюсь. Только вы не обижайтесь. Не подумайте, что я о радиѣ ничего не знаю. Знаю—и плюю.

Да не я одинъ. Я что? Кусочекъ паутинки, слякоть, дрогнивающій кусокъ мяса. А другое—лучше, лучше, а со мной. Чувствую, что со мной.

Не вѣрите? Думаете, вотъ допился человѣкъ до чертиковъ, все вверхъ ногами перевернулось, словно дохлая лошадь.

А послушать любопытно. По газамъ вижу. Еще бы, человѣкъ самая хитрая кукла, самая любопытная штука во всемъ мірѣ. Сидѣть гдѣ то, о чёмъ то думаетъ, и каждый, по особой мѣрѣ, своими гвоздиками сколачиваетъ свою дрянь, свой мірѣ. У меня—одинъ; у васъ—другой, а у дворника, который черезъ часъ будетъ подметать улицу,—третій. Цѣлый музей космосовъ, оттого и происходитъ вся людская катастасія, человѣческая комедія, милостивые государи. Скачки съ препятствіями на кладбище.

Ну, вотъ, сидѣть гдѣ-то, думаетъ, и чортъ его знаетъ, что онъ иногда выдумаетъ.

Если бы можно было открыть иные человѣческие черепа, какъ, напримѣръ, сундуки, да выбросить наружу всѣ эти мысли, призраки, ночные страхи, проклятия, геніальная прозрѣнія и дикий вой одинокихъ загнанныхъ псовъ, то не только люди, но и сама земля стала бы бѣлой отъ ужаса.

Эхъ, дорогие мои, сколько горя, сколько страданий я вынесъ, а другая по наследству перешли! Теперь, кажется, уже ничего не тронетъ. Сердце высохло, какъ старая корка хлѣба. Посмотришь иногда, да и спросишь самого себя: «Что же ты молчишь, каменъ? И отвѣтишь: «Уже не чувствую».

Знаю, каждый уголок земли устроенъ, до чудесъ добрались, а на черта мнѣ весь этотъ прогрессъ, если мнѣ дѣтей нечѣмъ накормить, если я оплаканъ, униженъ, затоптанъ, если самыи источники жизни заражены, женщина кормить своимъ тѣломъ улицу, двѣ трети земли корчатся въ нищенской проказѣ!

Вы приглядитесь! Вы пропустите мимо себя все городское, вѣнчное, разубранное, отбросьте всѣ эти широмочки. Наклонитесь къ массѣ, посмотрите всего человѣка, тогда и увидите настоящее.

Масса... Голодные черные жуки, которые гдѣ то въ темнотѣ, въ подвалѣ копошаются, скрипятъ и пожираютъ другъ друга.

И что же мнѣ всѣ человѣческія постиженія, если я къ этому свѣту и прикоснуться не могу? Только мучаютъ, жгутъ контрастомъ, пытаютъ.

Вонь на высотахъ свѣтъ, все ясно, все достигнуто, но я лежу въ смрадной ямѣ съ большинствомъ, и ноги мои переломаны.

Такъ не будетъ ли гуманнѣй погасить этотъ свѣтъ?

Аэропланы,—да, вѣдь, это плевокъ въ мое лицо!

Ради—насмѣшка надо мнѣ!

Вѣтъ именно,—издѣвательство надъ моими голодными дѣтьми, надъ нашими тифами, нашими покойниками, разбитыми семьями, растоптанымъ человѣческимъ достоинствомъ, надъ нашимъ нищенствомъ, убожествомъ, кровавыми слезами.

Прогрессъ, чудеса, а въ массѣ люди живутъ хуже чѣмъ въ средневѣковье.

И что же этотъ безпроволочный телеграфъ, какъ не издѣвательство, разъ миллионы не имѣютъ даже хлѣба, лишаются своего священнаго права на бракъ и дѣтей?

Вѣтъ, встрѣчу я старого, изможденаго нищаго и скажу: «Некрасиво, такъ ходить. На-ка, одѣни цилиндръ. Хорошій,—французскій». Не вправили онъ будеть ударить меня по лицу? Не будеть ли это издѣвательствомъ?

Такъ вотъ и съ этимъ прогрессомъ.

Все тѣло худое, голодное, растрасалось отъ жара, грязи и язвъ, сукровица течетъ, смердитъ, а на головѣ французскій свѣркающій цилиндръ!

Ха-ха ха! И зачѣмъ же мнѣ это, если мой ребенокъ осужденъ на голодное рабство, если все мое святое, все человѣческое распинается на каждомъ перекресткѣ, каждымъ днемъ и каждою ночью?

Не съ того конца, господа—люди, начали...

Что я тепѣрь? кусокъ паутины, слякоть. Ай-ай! Такие люди—въ вѣкъ великихъ постиженій, въ вѣкъ культурныхъ высотъ. Вѣдь, это все равно, что грязную и пропотѣвшую музыкальную скрипку положить въ музей на миниатюры, осыпанныя брилліантами.

Проф. В. М. Соболевский,

ученый экономистъ, публицистъ, редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», скончавши. 8-го мая, 67-ми лѣтъ отроду.

Какой пропускъ, какой недосмотръ! Все какъ слѣдуетъ—и музеи въ античномъ стилѣ, и гобелены на стѣнахъ. А миниатюры прямо гениально выполнены. Принцессы, какъ живыя. Такъ вотъ и скажетъ: «Поцѣлуй меня. Смотри, какія у меня свѣжія розовыя плечи». И драгоценныя камней неожиданно забыли. А сермагу забыли. Какой недосмотръ! Вѣроятно, всѣ очень спѣшили исправить ошибку. Ха ха ха!

Не съ того конца начали.

Благодарю. Я водку. Не измѣняю ей, да и не люблю мѣшать. Все равно дальше опредѣленной грани не пойду, упился, давно уже упился. Да, давно.

Вспоминаю одну исторію. Я ее тутъ каждую ночь вспоминаю.—никакой кѣкъ-вокъ не сумѣть захлестнуть.

А. С. Танѣвъ.

(По поводу 25-лѣтія музыкальной дѣятельности).

Была у меня жена, красавица, умная женщина. И любила, очень любила. Я служилъ, получалъ гроши, зависѣлъ отъ каждой пѣшки, но работалъ какъ волѣ, великое самолюбіе человѣческое въ себѣ задавилъ, на самого себя плюнулъ, зато жили, перевивались кое-какъ.

Жена иногда ко мнѣ на службу заходила. Понравилась одному начальнику,—бабенка смазливая, а когда сѣть, тянетъ на всякое баловство. Познакомился онъ съ нею. Сюрпризы приятные, ну, увлекъ, бросила меня.

Въѣхъ странно? Любила и вдругъ ушла къ первому встрѣчному. А мнѣ не странно. Куда мнѣ, нищему, было съ нимъ бороться, да тягаться. Слишкомъ большой контрасть, большой соблазнъ.

Всякая любовь продажна. Это не парадоксъ. Вотъ представьте себѣ чистую, ясную дѣвушку, хорошую дѣвушку. Она отъ стыда скорить, если ей намекнуть на денежный бракъ. «На-те вамъ, тѣ, сто рублей на булавки, только позвольте мизинчикъ на ручкѣ поцѣловаться». Не позволить, конечно, до слезъ возмутится, уйдетъ.

Вотъ такую дѣвушку возьмемъ для примѣра. А затѣмъ представьте себѣ, что за нею начали ухаживать я и вы. Шансы у обоихъ равны, положимъ, каждому по двадцать пять лѣтъ, умны, красивы, воспитаны, обходительны. Но вы богаты, а я нѣтъ.

Ну, вотъ мы ухаживаемъ за нашей ясной, чистой дѣвушкой. Я говорю всякия хорошія слова о веснѣ, о красотѣ, о поэзии и т. д., и вы говорите. Но вы время отъ времени присыпаете цветы, конфеты. Развѣ даже на автомобилѣ съ матушкой прокатили свою возлюбленную. Зарумянилась отъ воздуха, смѣялась, все казалось ей болѣе эффектнымъ. Въ другой разъ альбомъ ей подарили—сафьянъ съ золотымъ тисненіемъ. А я все то же—разговоры, встречи, увѣренія, что жизнь для нея неожиданно и т. д. Ну, а въ результатѣ изъ десяти въ восемь случаевъ такая самая дѣвушка пойдетъ за вами. Скажите ей самой, что тутъ автомобиль и цветы сдѣлали свое дѣло,—не позѣрить, возмутится. А, вѣдь, по правдѣ, оно такъ есть. Купили,—сама не замѣтила.

Такъ и съ женой моей было. Послѣ лишений и голодовокъ, сюрпризы да удобства опьянили и душу, и мысли, незамѣтно опьянили.

Я тогда службу перемѣнилъ. Городъ большой, не встрѣчались. Они затѣяли разводъ. Я согласился,—развели. Присохло, какъ болячка на собакѣ. Пусть думаю, будеть счастлива. Но милый человѣкъ умеръ, женщина покатилась, пошла по рукамъ...

Страшно сказать,—на улицѣ встрѣчалъ, отдавалъ послѣдніе гроши и убѣгать, какъ сумасшедший. Жалѣю лишь, что тогда не было болѣе приличного заработка.

Умерла въ больницѣ.

Видите какъ. Не думайте, что я озлобился. Нѣтъ, только жизнь лучше поняла. Вижу—все неправильно, все словно нарочно перепутано, все вверхъ ногами, все озлоблено.

Кто не можетъ сосѣда зубами пережевывать, такъ сплетней, подлыми

подозрѣніями, жаѣль слюной грызинъ и брызгаешь.

И стали для меня ваши человѣческія вы- соты однимъ изѣбательствомъ. И книги тоже, и искусство.

Вотъ въ Луврѣ стоять красивыя статуи, а я бы ихъ разбилъ, оплевалъ. Вѣдь, онъ и тогда стояли, когда отъ меня жизнь украли, когда меня каждый день награждали пощечинами. Чгожъ, помогли? Спасли?

Ваше здоровье. Нѣтъ я не спѣшу. Меня никто не ждетъ.

Ха ха ха! Ничего, я всегда смѣюсь одинаково. Какъ ставить жену на кладбище,—такъ и скрипть моимъ, словно старая дверь.

Трудно человѣку не смѣяться.

Ал. Станкевичъ.

Докторъ Дюрвиль.

На столѣ окаменѣвшая кисть руки.

Недавнихъ въ Парижѣ подъ контролемъ комиссіи ученыхъ и подъ руководствомъ изѣбетнаго авторитета въ области судебной медицины д-ра Сокѣ производились испытания изобрѣтеннаго д-ромъ Дюрвиллемъ изъ Бордо способа момификаціи (окаменѣнія) труповъ путемъ магнитическихъ пассовъ. Д-ръ Дюрвиль въ теченіе ряда сеансовъ подвергалъ приконосенію своихъ рукъ кисть руки мертваго, пролежавшую три недѣли въ леднике Мориа. Къ концу опыта кисть отвердѣла, высокла и приняла пергаментный цвѣтъ, свойственный муміямъ, сохранившимся въ теченіе тысячетѣлій.

Смотрѣ французскимъ «потѣшнымъ» въ Сен-Сирѣ. Отрядъ разведчиковъ передъ палатками.

(Къ статьѣ И. Яворскаго).

нѣсколько часовъ послѣ того, какъ врачи констатировали его смерть.

Докторъ Дзбанскій приводить далѣе рядъ установленныхъ случаевъ мнимой смерти.

Тридцать лѣтъ тому назадъ въ мѣстечкѣ Ландсгутъ въ Баваріи «умеръ» рабочій Н. Семья сѣлала всѣ необходимыя для похоронъ приготовленія. Въ поспѣшнью минуту Н. проснулся и до настоящаго времени живеть и здравствуетъ въ Ландсгутѣ.

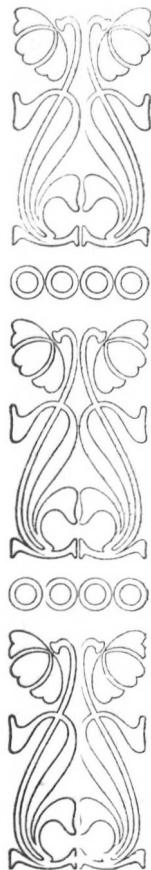
Въ 1911 г. въ г. Бургъ во Франціи «умеръ» 84-лѣтній т-ре Папэ. По полученіи официального удостовѣренія о смерти, родные т-ре Папэ перевезли тѣло въ Парижъ; и тутъ рабочіе, перенесившіе гробъ, услышали вдругъ стоны мнимо-умершаго. Гробъ былъ вскрытъ, и оказалось, что г-жа Папэ и не думала умирать.

7 мая 1912 г. въ селѣ Журавицѣ подъ Пшемыслемъ въ Галиції происходили похороны крестьянина Георгія Маснаго. Едва только на гробъ посыпалась первые комья земли, какъ изъ него раздались отчаянныя крики о помощи. Немедленно же гробъ вытащили и вскрыли, и Маснаго оказался не только живымъ, но и достаточно сильнымъ для того, чтобы пѣшкомъ добраться домой.

Десятки подобныхъ примѣровъ приводить

и врачъ городской больницы въ селѣ, д-ръ Икаръ. Икаръ рассказываетъ случаи, когда мнимо умершихъ людей, докторъ Дзбанскій рѣшительно отстаиваетъ тотъ взглядъ, что подобные факты существуютъ, и что кладбища скрываютъ въ сво-

и времія вскрыгія. Въ парижскихъ больницахъ случалось, какъ-онъ передаетъ, что больничные сторожа, за некимъ мѣстомъ, помѣщали живыхъ еще людей въ

«Звездный» пробегъ. Остановка въ Харьковѣ.

гробы и затѣмъ опускали надъ ними крышки. Чтобы избѣгнуть подобныхъ роковыхъ ошибокъ, докторъ Дзбанскій совѣтуетъ врачамъ быть сугубо осторожными при констатированіи факта смерти. Выслушиваніе усопшаго должно производиться при помощи стетоскопа и продолжаться не менѣе 10 минутъ. Констатировать долженъ официальный врачъ въ присутствіи свѣдущихъ людей. Врачъ долженъ составить протоколъ осмотра, который должны подписать, кроме врача, и свидѣтели.

Лакей д'Аннуціо.

Габріель д'Аннуціо приѣхалъ на-дняхъ въ Парижъ, чтобы присутствовать на репетиціяхъ своей новой пьесы «Пизанелла».

Знаменитый итальянскій писатель нико-го не принимаетъ...

Съ многочисленными журналистами, осаждающими его квартиру, объясняется... его лакей, Рокко.

Не зная французскаго языка, очъ на всѣ вопросы о его господинѣ отвѣчаетъ:
— Il signorino riposa....

Лакей д'Аннуціо исполняетъ у него са-мая разнообразныя обязанности...

Онъ будить его по утрамъ, выбираетъ ему жалеть и галстукъ, одѣваєтъ его и раз-дѣваєтъ, распечатываетъ его корреспон-денцію...

Иногда, по порученію барина, Рокко чи-таетъ полученные имъ письма и газеты, въ которыхъ о немъ пишутъ, и потомъ докладываетъ господину:

— Ужасная глупости, господинъ!

Д'Аннуціо выходитъ изъ дома только въ полночь, окруженный цѣлой свитой сво-ихъ прихлебателей.

Шествіе направляется на Монмартръ, гдѣ писатель считается долгомъ обойти всѣ кабаре. («П. Г.»).

Падеревскій и... цветоводство.

Чѣмъ увлекаются на досугѣ знамени-тые музыканты?

«П. Г.» пишутъ изъ Швейцаріи, что

тамъ, на своей виллѣ, отдыхаетъ теперь знаменитый піанистъ Надеревскій.

Всю зиму онъ посвящаетъ концертнымъ турнѣ, а лѣтомъ живѣтъ въ Швейцаріи, стараясь не думать ни о музыкѣ, ни о своимъ триумфахъ...

Любимымъ лѣтнимъ занятіемъ Надерев-скаго служатъ цветы, за которыми онъ ухаживаетъ съ утра до вечера въ своей роскошной оранжереѣ.

Это единственная страсть прославлен-наго музыканта.

Его увлеченіе цветами дошло до того, что онъ открылъ, специально для своихъ соотечественниковъ, поляковъ, бесплатные курсы цветоводства...

Нѣсколько въ иномъ родѣ вкусы жены Надеревскаго...

Она обожаетъ курь, и открыла, парал-лельно съ курсами мужа, курсы куре-водства...

ЗАБЫТОЕ.

Грустно... акаціи перистой вѣтка
Что-то забытое шепчетъ мечѣ;
Въ книжкѣ открытой осталась замѣтка;
Солнце играетъ на блекломъ листѣ.

Грустно... но сердцу усталому дремлетъ;
Робко вершинами липы шумятъ;
Рѣчка извивами синими стелется;
Думы за думами быстро летятъ.

Грустно... но мысли чредой торопливою
Точно вдогонку за жизнью спѣшать;
Съ нѣжнымъ укоромъ, съ тоской
— мопчаливою

Тихо у рѣчки осоки шуршать

Грустно... акаціи перистой вѣтка
Что-то далекое шепчетъ мечѣ;
Въ книжкѣ забытой осталась замѣтка;
Солнце играетъ на блекломъ листѣ.

Ольга Малиновская.

NEMESIS.

Взлетѣли къ солнцу, хотѣли счастья,
Какъ два Икара.
Но солнце злое съ огненной пастью
Дышитъ пожаромъ.

И были слабы изъ воска крылья;
Не удержали...
Напрасны въ небѣ дальнемъ усилия,
Спасутъ едва ли.

И вотъ упали... И вотъ разбиты...
Потухли взоры...
И заалѣли подъ кровью плиты,
Пестрятъ узоромъ.

Безумный другъ мой! Въ небѣ дale-
комъ
Тщетны усилия...
Счастье, какъ солнце,—оно жестоко:
Спалить намъ крылья.

За нашу дерзость будетъ расплата;
И въ небѣ аломъ
Погибнемъ въ красномъ часу заката
Съ лучемъ усталымъ...

Н. Станкевичъ.

